

**Светлана
ФИЛИМОНЧИК**

г. Петрозаводск

Человеческое измерение ВОЙНЫ

Константина Гнетнева

Константин Васильевич Гнетнев вырос в семье фронтовиков. На войне погибли его дед и дядя.

В октябре 1942 – августе 1943 г. отец Василий Иванович Гнетнев воевал на Волховском фронте, прорывавшем блокаду Ленинграда, был дважды ранен в боях на Синявинских болотах и под Мгой.

В детстве Константина удивляло восприятие войны родными: «Странно воспринимали День Победы мой отец и его товарищи, рядовые солдаты той страшной войны. Они совсем не гордились и не дорожили орденами и медалями, терпя или выделявая из них блесны, много пили и плакали»[1].

Когда отец пытался рассказать о войне, ничего из рассказа не выходило, он начинал плакать и ругаться. Сын видел, как мучительны для отца эти воспоминания, но помочь рассказу, который, возможно, облегчил бы душу фронтовика, ребенок был не в состоянии.

Позднее, прочитав много документов, мемуаров военачальников и рядовых бойцов, воевавших под Ленинградом, Гнетнев будет потрясен ожесточением этой битвы, огромными потерями советской пехоты в отчаянных атаках 1942 года.

В пору творческой зрелости рассказы отца помогут писателю создать образ фронтовика Дмитрия Марютина – отца главного героя повести «17-й шлюз». Марютин ярко, в деталях описывает оружие и технику, но редко и очень коротко говорит о том, что сознание отказывается принимать, – о смерти близких товарищей. Рассказ о своем ранении выстроен им вообще без эмоций, лишь на потребностях обессилевшего тела: «Потом долго куда-то шли, потом брели, потом, кажется, ползли – медсанбат искали. Все время пить хотелось, очень хотелось. Свалимся в воронку, а там грязно-бурая жижа, рукой сверху смахнешь и пить, пить. Все боялся сознание потерять. Потерял бы – там и остался»[2].

Необходимый опыт коммуникаций Гнетнев по-

лучил, став журналистом. В 1970 г. отслуживший в армии молодой электромонтер ББК был принят в штат районной газеты «Беломорская трибуна», а в 1978 г. он стал собкором республиканской газеты «Комсомолец».

В 1970-е гг. в Карелии активизировалась работа по сохранению памяти о войне, увековечению подвига героев. Для публикации отбирались прежде всего материалы о боевом пути воинских формирований, о политической и идеологической работе партийных органов с личным составом. Все тексты проходили строгую цензуру. Когда готовили к изданию книгу комиссара партизанского отряда «Вперед» Георгия Александровича Герасимова «Партизанские километры», из нее убрали главу о летней 1942 года операции, вошедшей в историю как «голодный поход». В издательстве тогда сказали: «Такое невозможно читать»[3]. Версии, расходящиеся с официальными, воспринимались как покушение на святых. В этих условиях представления, переживания, знания части фронтового поколения оставались не востребовавшими.

* * *

В 1975 г. вышла в свет книга бывшего секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, члена Военного совета Карельского фронта Геннадия Николаевича Куприянова «За линией Карельского фронта», а его рукопись «Война на Севере» была помещена в партархив на секретное хранение.

От Куприянова ждали панорамного взгляда на жизнь республики в годы войны, но ожидания далеко не всех читателей оправдались. Соратникам не понравилось то, что репрессированный по «ленинградскому делу» партийный лидер Карелии не стеснялся в выражениях об именитых политиках[4]. Знатки военной истории увидели в книге неприкрытые попытки самооправдания.

Редактор журнала «Север», в военные годы партизан отряда «Боевые друзья», Дмитрий Яковлевич Гусаров упрекал Куприянова за «зализывание тех реальных ошибок и трудностей, какие были допущены им и его приближенными»[5].

Самым значимым литературным событием той эпохи в Карелии стала публикация в 1976 г. романа Д.Я. Гусарова «За чертой милосердия» о трагическом походе в тыл врага летом 1942 г.

Первой партизанской бригады под командованием майора И.А. Григорьева.

Писатель требовал от себя правды[6], но и тревожился, способно ли выросшее после войны поколение понять атмосферу 1942 года, когда «война требовала от нас всякого»[7]. Петр Федорович Кузнецов вспоминал слова своего боевого товарища: «Не мог я, Петя, написать все, что там было. Не мог»[8]. В свою очередь, Гусаров замечал в дневнике, что партизаны тоже не очень хотели, «чтобы об этом походе была написана вся правда»[9].

В конце 1970-х гг. Гусаров готовил книгу об истории партизанского отряда «Боевые друзья», в котором воевал в 1942 – 1944 гг. Писатель хотел, чтобы книга, «несмотря на литературно-мемуарный жанр», была строго документированной[10]. К литературной записи воспоминаний партизан он привлек журналистов. Так, осенью 1979 г. в Беломорске Константин Гнетнев начал работу с комиссаром партизанского отряда «Боевые друзья» Петром Даниловичем Поваровым.

В течение нескольких недель на магнитофонную ленту были записаны более шести часов рассказов о жизни отряда, о его боевых операциях. Редактор книги просил «крупных планов», индивидуальных характеристик бойцов, особенно погибших героев.

Среди других боевых товарищей партизаны тепло вспоминали любимицу отряда фельдшера Ольгу Павловну Пахомову. В. Г. Юриков отмечал в её характере лучшие черты русской женщины, служившие источником света, тепла и добра[11]. П. Д. Поваров подчеркивал мужество девушки, которая шла отрядной тропой, преодолевая боль, пока не скончалась от тяжелых ран[12]. Эти воспоминания записаны в последние годы жизни: Поваров скончался в 1981 г., Юриков – в 1983 г.

В тексте передана незатихающая горечь утраты, но сказать всю правду о трагической судьбе девушки в то время мемуаристы не могли.

Работа подходила к завершению, когда Петр Данилович перенес инсульт. Болезнь словно бы вычеркнула из памяти ветерана события и факты той поры[13]. Тогда Поваров передал Гнетневу свой фронтовой дневник, о существовании которого не знали даже члены семьи.

Фронтовой дневник журналист счел бесценным свидетельством: в сравнении с воспоминаниями в нем меньше ошибок памяти и зафиксированы оценки времени события. Однако его

наставник Д.Я. Гусаров предупредил: дневник труден для чтения, ведь в него включено то, что случилось в текущий день, а многие события в дальнейшем не получили развития. К тому же в военное время ведение дневников запрещалось, и авторы не забывали о самоцензуре. Гусаров настаивал: важна не только точность фактов, но и сохранение художественной правды, а она зависит от умения литератора построить сюжет, от продуманной композиции, изобразительных средств [14]. Гусаров как редактор был очень требователен, но в итоге остался доволен текстом.

К работе с воспоминаниями Гнетнев вернулся, когда сменилась эпоха и сам он отошел от журналистики к писательскому труду. Подтолкнуло к работе общение с Дмитрием Степановичем Александровым. Они познакомились в 1990-е гг. в редакции республиканской газеты «Карелия», когда Гнетнев являлся главным редактором газеты, а Александров был её активным читателем и автором очерков по истории края.

Летом 2004 г. писатель по старой памяти пришел к Дмитрию Степановичу, чтобы уточнить подписи под фронтовыми фотографиями и некоторые сведения из дневника П.Д. Поварова. Деловой разговор перерос в душевную беседу. Александров рассказывал о походах, о своих боевых товарищах так, будто бы они где-то рядом и боевой поход только-только закончился.

С лета 2004 г. встречи писателя с ветераном стали регулярными: «Прочитавший к тому времени десяток книг о партизанской войне, я понял, что настоящую правду об этой войне узнаю только теперь. И что мне непременно нужно составить свою книгу, основанную именно на таких партизанских рассказах» [15].

Возможности выбора респондентов в 2004 г. были ограничены, многих уже не было в живых, другие тяжело болели. Несколько человек ушли из жизни в период работы над книгой.

Респондентами Гнетнева стали участники партизанского движения, занятые на советской или комсомольской работе, входившие в общественный актив. Накануне войны Д.С. Александров работал председателем Ругозерского сельсовета, Н.Н. Пастушенко – в редакции районной газеты «Ругозерский коммунист», П.Ф. Кузнецов учился в вузе, М.И. Захаров являлся секретарем комитета комсомола Онежского завода, С.П. Таурщиков работал секретарем райкома комсомола в Ярославле. Рабочих среди респондентов всего двое – Б.С. Воронов и И. А. Комиссаров,

но и они трудились на современном промышленном производстве.

В 1943 г., когда из-за военных потерь и эвакуации возможности пополнения отрядов за счет местных жителей были исчерпаны, в партизанские отряды принимали заключенных и бывших военнопленных [16]. Их среди респондентов в данном случае нет.

Во время работы было накоплено 36 часов кассетных записей, они были расшифрованы, отдельные фрагменты проверены и дополнены на новых встречах.

Вектор разговора задавал респондент, важно было зафиксировать его ракурс видения события. Однако в ходе интервью активны оба участника. По опыту Гнетнев знал, что на первой встрече придется больше говорить самому, а респондент станет приглядываться, можно ли доверять собеседнику.

Интервьюер воздействует не только на атмосферу беседы, но способен изменить и направленность, и содержание рассказа. В ходе рассказа обычным делом являлись «скачки» с одной темы на другую, на этапе обработки интервьюер упорядочил материал, разбил на темы.

Выбор Гнетневым тем показателен: в центре внимания оказались не только военные походы, но и жизнь на партизанской базе, отношение к пленным и др. К каждому рассказу были придуманы яркие заголовки: «»Фрикадельки» в спирте», «Красные ягоды Елмозера», «Все, ребята, мир!» и др. Автор составил ценные приложения, включающие списки партизанских отрядов, партизанский словарь, выдержки из архивных документов и др.

Из респондентов Гнетнева к 1941 году боевой опыт имел только Д.С. Александров, участвовавший в Советско-финляндской войне. Однако в связи с тяжелой обстановкой партизанские отряды вынужденно направляли на передовую.

О боях 1941 г. респонденты рассказывали кратко, вспоминали прежде всего погибших товарищей. Д.С. Александров объяснил это так: «Не все из пережитого тогда следует тащить за собой в будущее. Пусть кое-что останется там, в 1941-м» [17].

* * *

К началу 1942 г. становление партизанских отрядов на Карельском фронте завершилось, они имели боевую закалку, однако именно в 1942 г. партизаны понесли наибольшие

потери[18]. Сказались серьезные ошибки командования.

Стремясь к активизации партизанской борьбы, руководители Штаба партизанского движения недостаточно продумали цели, средства достижения, ресурсы, продовольственное обеспечение операции, порученной партизанской бригаде И.А. Григорьева.

Фактически судьбы сотен людей были принесены в жертву престижу и карьерным соображениям[19]. Задачи, поставленные в боевом приказе, выполнены не были, но вины участников похода в том нет. В тяжелейших условиях бригада находилась в тылу противника 57 дней, прошла свыше 600 км и имела 26 столкновений с финнами. Из 648 партизан только 154 вернулись на базу по завершении рейда.

К.В. Гнетнев отметил, что его респонденты, не сговариваясь, вспоминали только об одном эпизоде этого похода – трагической переправе через Елмозеро при возвращении бригады: «Ни о чем другом они вспоминать не захотели, а я заставить не смог. Память о Елмозере затмила собой другие, не менее жестокие бои»[20].

Во время переправы по плотам били станковые пулеметы, с воздуха стегали очередями финские самолеты. Переправившись через озеро, обессиленные бойцы должны были преодолеть непроходимое болото[21]. С нескрываемой болью говорили о том, что обессиленных и раненых пристреливали по распоряжению командования: «Хочу сказать об этих добиваниях раненых ребят. Это ведь чудовищно!»[22] Комментируя эти тяжелые воспоминания, К.В. Гнетнев приводит слова Д.Я. Гусарова: «Даже у самого честного бойца живет и с годами усиливается чувство стыда и какой-то моральной вины за все те общекорпусные ошибки и отступления от морали, пусть даже вынужденные тяжелейшей обстановкой, которые имели место на партизанской тропе бригады. И чем дальше уходит время, тем сильнее дает о себе знать чувство вины перед товарищами, оставшимися там, в паданских лесах»[23].

В походе жестоко карали за сон на посту. За это обычно полагался расстрел перед строем. Наталья Никитична Пастушенко вспоминала: «Жалко бывало нам этих уставших ребят, и плакали мы, девочки, глядя на показательные расстрелы. Но при этом каждый понимал, что из-за жалости к одному может погибнуть целый отряд. Все без исключения. И, в общем, партизаны принимали такое наказание как должное»[24].

Перед каждым походом ставилась задача захвата пленных. Финские солдаты были отлично подготовлены, принудить их сдаться стоило большого труда. Н.Н. Пастушенко вспоминала: «Никогда мы пленных не мучили. Наша задача была в том, чтобы доставить пленного в Лехту, а потом в Беломорск. И ведь это было очень непросто. Ведь лес кругом. Пять метров за куст забежал, и ищи-свищи. Ребята должны были постоянно охранять «языка», сидеть с ним во время ночевки, следить на переходах, кормить»[25].

Все тяготы партизанской жизни делили женщины-медики. Отношения в отряде Наталья Пастушенко характеризует как товарищеские, уважительные. Если описывает обидное для девушки поведение, то оно в её рассказе всегда оказывается наказанным. Так, замкомандира отряда по разведке Степанов, проявивший неуважение («Да что там наши девочки? Они в люльке, наверное, были девочками...»), на следующий день встал перед медсестрами на колени: «Простите меня. Я виноват»[26].

Врачи, фельдшеры, медсестры, сандружинницы достойно выполняли свою работу по выхаживанию раненых, проявляли милосердие, заботу. Н.Н. Пастушенко вспоминала: «За всю войну у нас в отряде не было ни одного заражения крови у раненых, которых несли по многу дней. Несли с трудом, по пять минут, силы заканчивались, нужно было меняться. Это была очень тяжелая работа»[27].

Трагедия войны безмерна. Фельдшер Ольга Пахомова участвовала в походе партизанской бригады Григорьева беременной, пока длился рейд, пошел шестой месяц беременности. После тяжелого ранения её застрелили[28].

В начале 2000-х гг. остро обсуждалась прежде закрытая тема о действиях партизан на территории Финляндии против гражданского населения. Раздались чрезмерно политизированные призывы некоторых общественных деятелей Финляндии отнести партизан, совершавших походы в тыл Финляндии, к военным преступникам. В этих условиях С.Г. Веригин и Э. П. Лайдинен, не оправдывая гибель 176 мирных граждан Финляндии, справедливо напомнили о смерти тысяч женщин, детей и стариков в концлагерях Карелии во время финской оккупации: война – это всегда трагедия, и мы скорбим обо всех жертвах[29].

В книге Константина Васильевича приведено свидетельство Д. С. Александрова о том, как его взводу было приказано выйти на финскую территорию, чтобы добыть продовольствие.

Перед уходом с финского хутора партизаны расстреляли его жителей. Д. С. Александров, которому было уже 86 лет, впервые рассказывал об этом, и по тому, как он строил рассказ, видно, что долгие годы случившееся не давало ему покоя, он пытался понять, как это стало возможным.

Респондент вспоминал, как на подходе к границе партизаны нашли тела семерых бойцов: «Над ними, еще живыми, просто зверски издевались. Ножом было вырезано все, что только можно – нос, уши, губы, вывернуты глаза, звезда – здесь, звезда – там... Мы все были потрясены такой жестокостью»[30]. Он сообщает также о том, что хутор был уже им знаком: «Мы отправляли сюда с разведкой двух наших партизан, бывших учителей-финнов, и их обоих здесь расстреляли»[31].

Наконец, он отмечает, что к тому времени в отряде были случаи перехода на сторону противника и в решении командира мог быть такой расчет: «Бондюк хотел сделать так, чтобы предательства больше не было»[32].

Александров отказался участвовать в расстреле: «Четыре раза требовал, чтобы я пошел в этот дом. Четыре раза я отказался. И тогда комиссар отряда Поташов и заместитель командира по разведке Щербаков говорят: «Расстрелять Александра за невыполнение приказа!» Не знаю, почему Бондюк тогда не согласился с ними. Не знаю»[33].

По возвращении комиссар отряда разорвал в клочья наградной лист о представлении Александра к ордену: «Этому не быть! Он будет расстрелян за невыполнение приказа». Однако на совещании комсостава партизанских отрядов Карельского фронта Бондюка и Поташова «буквально разнесли» за дикий случай расстрела жителей населенного пункта и высшее командование, и командиры других партизанских отрядов. Вопрос о наказании Александра больше никогда и нигде не поднимался[34].

Судьба книги Константина Гнетнева «Тайны лесной войны» уже сложилась: она трижды переиздана, награждена Премией Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы, победила на Всероссийском литературном конкурсе «Бородино», а главное, она востребована читателями.

Важной вехой в творчестве Константина Васильевича стала биографическая книга о Дмитрии Гусарове, изданная в 2015 г.

Автор объяснял её создание глубоким уваже-

нием к Гусарову, благодарностью за наставничество, за совместную работу в журнале «Север». Книга требовала представить время, которое сформировало поколение Гусарова[35], а значит, вновь вернула автора к истории партизанской войны в Карелии.

В главах о войне наиболее ярко описан первый бой, в котором участвовал 18-летний Гусаров. В январе 1943 года сводный партизанский отряд под командованием В. М. Лопаткина разгромил финские гарнизоны в Линдоме, на Тамбиц-маяке и в Крестовой Губе.

В начале операции из-за ночной метели разведчики потеряли связь с командованием, и Лопаткин не стал подвергать партизан неоправданному риску, вести их на финские мины и пулеметы, хотя мог быть обвинен в невыполнении приказа и отдан под суд. Решающий бой партизаны провели следующей ночью. В бою совсем по-другому течет время. «Там минута знаешь какая долгая, – замечает Гусарову перед боем его более опытный товарищ[36]. Потом долгие минуты этого боя в мельчайших подробностях Гусаров не раз «прокручивал» бессонными ночами.

Позднее он собрал свидетельства об этом бое других бойцов, в его личном фонде Национального архива Республики Карелия их воспоминания составили без малого полтысячи листов.

Гнетнев пишет: «От их бесхитростных рассказов веет настоящим. А настоящее всегда немножко некрасиво, всегда немножко не о том и чуждо всяческой бравады»[37]. Без бравады, телеграфным стилем описан Гнетневым бой у деревни Конды в марте 1944 г. В этом бою Гусаров был ранен. Его спасли товарищи: в течение девяти часов они тащили раненого к своему берегу на лыжах, а через ледовые торосы перенесли на руках[38].

К истории боевых операций Первой партизанской бригады Гнетнев вновь вернулся в рассказе «Бесов нос», опубликованном в 2021 году в журнале «Север».

Одной из задач бригады в зимней кампании 1941/1942 г. была борьба с диверсионными группами противника, забрасываемыми на Восточное побережье Онежского озера.

В январе 1942 г. финский диверсионный отряд сжег железнодорожную станцию и лесозавод в Майгубе. В феврале 1942 г. диверсанты напали не только на склады армейских баз, но атаковали военный госпиталь № 2212 в дер. Петровский Ям. Здания госпиталя были заброшены граната-

ми и сожжены, раненых и медиков расстреливали автоматными очередями. Погибло 37 работников лагеря и раненых, 15 гражданских лиц[39]. В марте 1942 г. диверсионный отряд численностью около 80 человек под командованием полковника Тойвонена совершил рейд на восточный берег Онежского озера с целью сжечь Шальский лесозавод, лыжную фабрику, уничтожить суда, стоящие на рейде.

Однако к этому рейду партизаны под руководством комбрига Григорьева хорошо подготовились. В бою с партизанами погибли 48 диверсантов, еще 20 солдат было уничтожено и пленено пограничниками и красноармейцами. Погибли все офицеры, в том числе командир отряда[40].

Во время сбора материала для книги «Тайны лесной войны» о разгроме этого диверсионного отряда вспоминали почти все респонденты.

Подробно рассказал о данной операции связанной комиссара партизанской бригады Н.П.Аристова Борис Степанович Воронов. В частности, он вспомнил эпизод, привлеченный позднее Гнетевым в рассказе: после боя партизаны собрали тела убитых диверсантов и поставили на лыжные палки. Утром налетели самолеты противника и расстреляли их из пулеметов, приняв за партизан.

Воронов рассказал о том, что финны при подходе к Шале захватили в плен политрука и его жену и потребовали, чтобы политрук провел их через минные поля: «Политрук провел, но они его все равно убили, вместе с женой»[41].

В 2008 г. в интервью Армасу Машину Гнетнев размышлял: «У меня возникает вопрос: а случайно ли там оказались политрук и его жена? Может быть, он – не предатель, а специально отправленный туда человек, контрразведчик, задачей которого было привести финнов через минные поля к засаде. Может быть, он и его «жена» – герои, а мы этого не знаем?»[42]

Через 10 лет в рассказе «Бесов нос» безымянный политрук стал главным героем. По задумке автора, Алексей Черемушкин до войны – студент педагогического института, в военное училище попал волей судьбы, училище стало для Черемушкина спасительной возможностью избежать репрессий за дерзкие политические высказывания в студенческой среде. Хотя по знаниям никто в саперном батальоне не может с ним сравниться, по характеру Черемушкину очень трудно сжиться с военной средой. Комбат Капустин, привыкший к общению с заключенными

на строительстве Сегежского комбината, к Черемушкину относится пренебрежительно. Накануне операции его отправляют «с глаз долой» на самую дальнюю точку, на Бесов нос.

Черемушкину по долгу службы известна главная проблема в подготовке засады для финских диверсантов: их отряд может напороться на минные поля, и тогда диверсанты повернут назад, а партизаны упустят редкий шанс отплатить врагу за Петровский Ям. Черемушкин хорошо знает схему расположения мин, знает секретные проходы для пограничников. И молодой парень решается на отчаянный поступок.

В рассказе важную роль играет сцена, когда руководство подводит итоги успешной операции по разгрому диверсионного отряда финнов. В ней кратко, но емко и отнюдь не парадно охарактеризовано командование Карельского фронта. Командующий Карельским фронтом генерал-лейтенант Фролов беспрерывно курит, у него судороги и трясущаяся голова, как следствие контузии, полученной в 1920 г.

Начальник штаба Лев Соломонович Сквирский – высокий и худой, словно изможденный долгим постом монах.

Начальник особого отдела НКВД Карельского фронта Илья Семенович Павлов недавно на Севере и никак не может привыкнуть к холоду, постоянно мерзнет. Над ним подтрунивают штабные командиры, но ему, в отличие от политрука Черемушкина, уже за сорок, у него есть жизненный опыт, и «его шуточками не пробьешь».

Не военный, а гражданский по профессии работник, Геннадий Николаевич Куприянов в рассказе ведет себя прямолинейно и жестко. Когда получена информация о том, что накануне боя в Шале младший политрук саперного батальона Черемушкин ушел к финнам, реакция Куприянова однозначна: «Предатель, собака, перебежчик». Он просит Павлова действовать согласно приказу № 270 от 16 августа 1941 г. – семьи политработников, сдавшихся врагу, подлежат аресту. У Павлова еще утром написано письмо наркому Баскакову: «Прошу организовать поиск и выявление членов семьи...» Однако особист размышляет над странностями этой истории: информацию врагу политрук передал лживую, сообщил, что военных на берегу почти нет, предприятия охраняются кое-как, и направил диверсантов прямо в партизанскую засаду. «Может, мальчишка всерьез обиделся, решил, что не лыком шит и теперь докажет это ценой своей жизни?» – думает он. Начальник особого

отдела НКВД рвет письмо, по которому должны сурово наказать семью политрука.

Таким образом, за годы размышлений над этой противоречивой историей образ политрука из Шалы заметно менялся в сознании писателя. Вначале он воспринимался как предатель и трус, затем как герой-контрразведчик, выполнивший задание советского командования, и, наконец, в рассказе 2021 года – это волей случая ставший военным сугубо гражданский человек, нерационально, дерзким поступком и ценой своей жизни остановивший врага.

Одним из респондентов Гнетнева в 2000-е годы была Евдокия Васильевна Аникиева (в годы войны – Дуся Тарасова), они тесно общались более 10 лет. Евдокии Васильевне посвящены несколько очерков Гнетнева, опубликованных в 2005-2019 гг. [43]. Отец Дуси был расстрелян во время массовых репрессий. На первый взгляд, трудно объяснить безоглядное стремление дочери расстрелянного отца попасть на фронт. Однако для неё война, в противовес «ежовщине», как раз внесла в душу необходимую ясность: враг вторгся на её родную землю, и та нуждалась в защите.

Такие настроения среди молодежи Карелии были массовыми. Землячка Тарасовой П. Антонова покинула Пряжу в составе комсомольского стройбатальона в начале сентября 1941 г. В Матросах она поднялась на вышку посмотреть на родное село и увидела, как поднимался к небу столб огня над зданием райсовета, клуба, школы: «Мы с Олей стояли у вышки и плакали: горела наша милая Пряжа»[44].

В 1941 г. 17-летняя карелка Дуся Тарасова участвовала в боях под Пряжей в составе истребительного батальона, в 1942–1943 гг. обучалась в спецшколе НКВД в Москве. 29 июля 1943 г. в составе разведгруппы Тарасова была заброшена в оккупированный Шелтозерский район. Однако 12 августа 1943 г. радисты группы попали в засаду: Николай Морозов погиб, Дуся Тарасова была тяжело ранена, получила пять автоматных пуль. Финны приговорили её к пожизненной каторге. Тарасова содержалась в тюрьме, сначала в Петрозаводске, потом в Киндасово. Летом 1944 года её возили на расстрел. Спас от смерти охранник, понимавший, что война проиграна и близок час расплаты за содеянное: «Мы обязаны были вас расстрелять, но дарим жизнь. Не думайте, что все финны такие...»[45]

Разведчица рассказала Гнетневу, как под Новый 1944 год в Петрозаводскую тюрьму привез-

ли членов подпольной разведгруппы Якова Васильевича Ефимова, в том числе радистку Ульяну Кузьмину, родом из Калевальского района.

Эта группа действовала в районе Олонца и полностью выполнила боевое задание. Разведчиков должны были вывезти на свою территорию гидросамолетом, но в последний момент передали по радио, что им следует возвращаться в тыл самостоятельно, а это означало, что нужно пройти сотни километров через болота и леса из-под Олонца до Сегежи или Беломорска.

Сегодня признано, что, несмотря на огромный размах разведывательной работы, имелись изъяны в её организации. Одним из существенных недостатков являлось то, что в ряде случаев не проявлялась забота о своевременном перемещении разведчиков в тыл[46].

Группа почти дошла до своих, но во время последнего привала на изможденных разведчиков случайно набрели финские охотники. Завязался короткий бой. Финны захватили группу, разведчиков судили и приговорили к расстрелу[47]. Ульяна Кузьмина была расстреляна в марте 1944 г.

Эта девушка стала прототипом Таисии в повести Гнетнева «Северная история», опубликованной в 2018 году. Таисию привезли после госпиталя долечиться в шлюзовский поселок ББК осенью 1941 года. Заботу о ней поручили старому кузнецу Михаилу Тарусову. Они сдружились, и Таисия рассказала ему свою историю.

Их разведгруппу после выполнения задания в тылу противника большие командиры просто бросили. Вместо обещанного гидросамолета прислали радиogramму, чтобы выходили сами.

Ребята говорят: «Запроси еще. Тут что-то не так». Запросила. И пошли, куда денешься. «Сволочи! Дело сделали и не нужны стали», – рассказывает героиня. «Не плачь, дочка, – тихо успокоил Тарусов. – Ни тебе, ни ребятам твоим плакать не след. Вы сделали свое, солдатское, что должны. Пусть начальники ваши плачут – с них еще спросится»[48].

В облике Таисии чувствуются черты Дуси Тарасовой. Положим, как и Дуся, Таисия очень метко стреляет. В лесном ущелье она устраивает засаду возвращающимся от шлюза финнам. После операции, увидев тела убитых диверсантов, лейтенант НКВД удивляется: «Грамотно! И это в лесу!» Однако главное сходство в другом: Дуся Тарасова – бескомпромиссный и волевой человек.

В очерке Гнетнева приводятся слова началь-

ника штаба тайной полиции капитана Ориспя на совещании в Шелтозере о встрече с раненой радисткой в Кашканах, ближайшей к месту задержания деревне: «А я смотрел ей в глаза. Ни слезы, ни крика. Только расширились и сузились зрачки, словно жизнь подмигивала смерти. Кто этого не видел, тот не может считать себя психологом, господа. Я видел. Я знал, что она будет жить, но эта жизнь для нас бесполезна. Слова у неё, как пули в спине: у живой не вытащишь»[49].

На суде 9 декабря 1943 года в Петрозаводске Дуся вела себя дерзко: «Отпустите, я опять пойду».

В повести «Северная история» обида на организаторов первой операции не изменила настроения Таисии. Завершается повесть тем, что Таисию вызвали в Центр, чтобы готовить к новой разведывательной операции.

«Ты жди меня, пожалуйста. Война кончится, и я приеду. Только обязательно дождись», – просит Таисия друга.

* * *

Подводя итог, отметим, что в постсоветский период К.В. Гнетнев внес большой вклад в изучение «человеческого измерения» войны в Карелии.

Использование методов и материалов «устной истории» позволило ему дополнить видение войны, способствовало более глубокому её осмыслению.

Антропологический подход дал возможность выйти на новый уровень понимания поведения, мировосприятия, ценностных приоритетов человека, оказавшегося в экстремальном режиме военного бытия.

Писатель основывает свои художественные тексты на рассказах о реальных событиях войны, но переосмысливает их. В текстах Гнетнева война предстает как тяжелейший, на пределе человеческих возможностей труд, суровые и даже жестокие будни. Самым важным для читателя становится неприкрашенный, не укладывающийся в стереотипы личностный опыт тех, кто умел в тяжелейших условиях брать ответственность за собственный выбор, оставаться людьми. Размышляя о судьбах своих героев, Гнетнев справедливо замечает, что война – это в первую очередь сила духа бойца, грош цена любому оружию, если силы духа нет.

Примечания

- [1] Гнетнев К. В. Выпьем за тех... // Север. 2015. № 7-8. С. 53.
- [2] Гнетнев К. В. 17-й шлюз // Север. 2021. № 11-12. С. 107.
- [3] Гнетнев К. В. Карельский фронт: тайны лесной войны. Петрозаводск, 2015. С. 6.
- [4] Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии. Историографический очерк. Петрозаводск, 2012. С. 26.
- [5] Литература в письмах. Из переписки З.А. Богомоловой. Ижевск, 2010. С. 117.
- [6] Гнетнев К.В. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел. Петрозаводск, 2015. С. 154.
- [7] Литература в письмах. С. 119.
- [8] Гнетнев К. В. Карельский фронт: тайны лесной войны. С. 231.
- [9] Там же. С. 6.
- [10] Партизаны Карельского фронта: сб. док. и материалов / науч. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2020. С. 607.
- [11] Юриков В. Г. Уходили в поход партизаны // Боевые друзья. Петрозаводск, 1983. С. 37.
- [12] Поваров П. Д. Долгие лесные версты // Боевые друзья. Петрозаводск, 1983. С. 99.
- [13] Гнетнев К. В. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел. С. 189.
- [14] Там же. С. 190.
- [15] Гнетнев К.В. Человек, который делал историю // Гнетнев К. В. XX век. Карелы. Петрозаводск, 2019. С. 10.
- [16] Кулагин О.И. Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы: 1941–1944 гг.: автореферат дисс. к. и. н. Петрозаводск, 2005. С. 26.
- [17] Гнетнев К. В. Карельский фронт: тайны лесной войны. С. 19.
- [18] Партизаны Карельского фронта. С. 10.
- [19] Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада. Партизанская война в Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 75, 97, 177.
- [20] Гнетнев К.В. Карельский фронт: тайны лесной войны. С. 218.
- [21] Там же. С. 222.
- [22] Там же. С. 230.
- [23] Там же. С. 241
- [24] Там же. С. 145.
- [25] Там же. С. 147
- [26] Там же. С. 59.
- [27] Там же. С. 208.
- [28] Там же. С. 232.

[29] Партизанская война в Карелии / Отв. ред. Г. В. Чумаков. Петрозаводск, 2005. С. 9.

[30] Гнетнев К. В. Карельский фронт: тайны лесной войны С. 259.

[31] Там же. С. 259.

[32] Там же. С. 261.

[33] Там же. С. 261.

[34] Там же. С. 262.

[35] Чаженгина В. Зачтено будет то, что зачтет читатель // Лицей. 2015. 22 апреля. URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/32092-zachteno-budet-chto-zachtyot-chitatel>

[36] Гнетнев К.В. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел. С. 54.

[37] Там же. С. 59.

[38] Там же. С. 68.

[39] Репников П. Ю. Петровский Ям. Запланированная трагедия. Санкт-Петербург, 2012. С. 156.

[40] Там же. С. 168.

[41] Гнетнев К.В. Карельский фронт: тайны лесной войны. С. 153.

[42] Гнетнев К.В. «В жизни столько непридуманного, неизвестного, интересного...» // Курьер Карелии. 2008. 24 июля.

[43] Гнетнев К.В. Дни рождения Дуси Тарасовой // Война у каждого своя. Петрозаводск, 2005. Гнетнев К.В. Женщина с виноватой улыбкой. // Север. 2018. № 7-8. Гнетнев К. В. XX век. Карелы. С. 30-67.

[44] Калинина Е. А. Пряжинский район в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: документы, материалы, воспоминания. Петрозаводск, 2020. С. 81.

[45] Гнетнев К.В. Дни рождения Дуси Тарасовой. С. 85.

[46] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. Москва, 2013. С. 589.

[47] Гнетнев К. В. XX век. Карелы. С. 53.

[48] Гнетнев К. В. Северная история. Петрозаводск, 2018. С. 162.

[49] Гнетнев К. В. XX век. Карелы. С. 49.

Светлана Николаевна Филимончик —

кандидат исторических наук,

доцент.

После окончания Петрозаводского университета

и аспирантуры Ленинградского университета

35 лет работает на кафедре

отечественной истории Петрозаводского университета,

автор более 250 научных работ,

большинство из них посвящено истории Карелии.

В журнале «Север» публикуется впервые.

